

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.11>

UDC 811.161.1:81'28

LBC 81.411.2-025.7

Submitted: 06.01.2026

Accepted: 20.03.2026

FUNCTIONAL ANALYSIS OF DIALECT SPEECH

Olga Yu. Kryuchkova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Anna I. Buranova

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia

Abstract. The uniqueness of dialect speech in general and of individual dialects is determined not only by the presence of specific units – the dialecticisms and associated with them interdialectal and dialect-literary differences, but also by the nature of the dialecticism word usage, functional relationship between dialect-literary correspondences, and the specific distribution of units of the national language in the speech of dialect speakers. The study was conducted with the material from the Saratov Dialect Corpus – samples from text subcorpora of dialects in the Saratov and Vologda regions, comprising a total of approximately 750,000 word tokens. The article presents the methodology and results of a functional analysis of non-literary vocabulary with various types; morphology in the speech of dialect speakers; the results of a functional (quantitative) assessment of the semantic and thematic composition of dialect speech; the peculiarities of the parts of speech usage in it; the distribution of the most important grammatical categorical meanings of nouns (distribution of case forms) and verbs (distribution of tense forms and their meanings). The quantitative distribution of the specified units is based on the samples from the dialects of different types (the Central Russian dialect with retention of unstressed “o” of Belogornoye village, Volsky district, Saratov region; the Central Russian dialect of Zemlyanye Khutora village; Atkarsky district, Saratov region, and the Northern Russian dialect of Megra village, Vytegorsky district, Vologda Region). Among the lexical units and morphological forms that do not coincide with the literary standard, the elements with different functional characteristics are identified, occupying a specific place on the scale of speech regularity/irregularity. High-frequency thematic word groups representing the specific world framework of the traditional folk culture speakers have been distinguished in the lexical and semantic structure of dialect speech. The functioning of case and verb tense meanings in dialect speech is explored, as well as the relationship between the specific distribution of these forms and the communicative and cognitive properties of dialect speech.

Key words: dialect speech, functional analysis, quantitative analysis, vocabulary, morphology, dialecticism.

Citation. Kryuchkova O.Yu., Buranova A.I. Functional Analysis of Dialect Speech. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 137-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.11>

УДК 811.161.1:81'28

ББК 81.411.2-025.7

Дата поступления статьи: 06.01.2026

Дата принятия статьи: 20.03.2026

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Ольга Юрьевна Крючкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия

Анна Игоревна Буранова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия

Аннотация. Своеобразие диалектной речи в целом и отдельных говоров обусловлено не только наличием особых единиц – диалектизмов и связанных с ними междиалектных и диалектно-литературных различий,

но и характером использования диалектизмов, функциональным соотношением диалектно-литературных соответствий, специфическим употреблением единиц общенародного языка в речи диалектоносителей. Исследование выполнено на материале Саратовского диалектного корпуса – выборка из текстовых подкорпусов говоров Саратовской и Вологодской областей общим объемом около 750 тыс. словоупотреблений. В статье представлена методика и результаты функционального анализа разных видов нелитературной лексики и нелитературной морфологии в речи диалектоносителей, результаты функциональной (количественной) оценки семантико-тематического состава диалектной речи, особенностей репрезентации в ней частей речи, дистрибуции значений важнейших грамматических категорий имен существительных (дистрибуция падежных форм) и глаголов (форм времени и их значений). Количественная дистрибуция указанных единиц рассмотрена на материале говоров разных типов (окающего среднерусского говора с. Белогорное, окающего среднерусского говора с. Земляные Хутора Саратовской области, севернорусского мегорского говора Вологодской области). Среди несовпадающих с литературным стандартом лексических единиц и морфологических форм выделены элементы с разными функциональными свойствами, занимающие определенное место на шкале речевой регулярности / нерегулярности. В лексико-семантической структуре диалектной речи выявлены высокочастотные тематические группы слов, репрезентирующие специфику картины мира носителей традиционной народной культуры. Показаны особенности функционирования падежных и глагольно-временных значений в диалектной речи и связь специфической дистрибуции соответствующих форм с коммуникативными и когнитивными свойствами диалектной речи.

Ключевые слова: диалектная речь, функциональный анализ, количественный анализ, лексика, морфология, диалектизм.

Цитирование. Крючкова О. Ю., Буранова А. И. Функциональный анализ диалектной речи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 137–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.11>

Введение

Своеобразие диалектной речи в целом и отдельных говоров, как показывают исследования, базирующиеся на текстовом диалектном материале, определяется не только наличием в ней особых единиц – диалектизмов и связанных с ними междиалектных и диалектно-литературных различий, но и характером речевого использования диалектизмов, функциональным соотношением диалектно-литературных соответствий, специфическим распределением единиц общенародного языка в речи диалектоносителей (см., например: [Буранова, 2015; Крючкова, 2024]).

Для реализации функционального подхода к изучению диалектной речи продуктивным считаем предложенное С.П. Лопушанской определение общенародного языка как ядерно-периферийной структуры, в которой выделяется ядерное средство – литературный язык, обеспечивающий единство общенародного языка на всей территории его распространения и во всех сферах его применения, и периферийные разновидности – диалект, просторечие, жаргоны, в которых обнаруживаются различия в использовании общенародного языка

[Лопушанская, 2005, с. 11]. Другим значимым для функционального анализа диалектной речи является положение о привлечении к исследованию «большого массива языковых фактов, отражающих процесс взаимодействия различных пластов общенародного русского языка», по возможности исчерпывающего состава данных, имеющих текстообразующую или системообразующую значимость [Лопушанская, 2005, с. 16].

Материал и методы

Исследование выполнено на материалах Саратовского диалектного корпуса (о концепции и строении корпуса см.: [Крючкова, Гольдин, 2008; Крючкова, 2022]) – выборка из текстовых подкорпусов говоров Саратовской и Вологодской областей.

Методической базой анализа служит, во-первых, положение о характерной для диалектной речи вариантности [Баранникова, 1971; Панов 1966, с. 55] и необходимости наблюдений за относительными частотами вариантов единиц, на которые направлено внимание исследователя (см., например: [Баранникова, 1967]). С этих позиций выпол-

нен функциональный анализ разных видов нелитературной лексики и нелитературной морфологии в речи носителей среднерусского говора с. Белогорное Вольского района Саратовской области (анализ названных явлений проведен на материале текстов объемом более 21 тыс. словоупотреблений).

Функциональный анализ диалектной коммуникации опирается, во-вторых, на обоснованную В.Е. Гольдиным концепцию коммуникативной диалектологии об общей специфике диалектной речи (независимо от ее территориального варьирования) [Гольдин, 2020], которая обнаруживается в том числе в своеобразных для данного идиома количественных распределениях средств общенародного языка. В настоящей статье представлены результаты функциональной (количественной) оценки семантико-тематического состава диалектной речи, особенностей использования в ней частей речи, дистрибуции значений важнейших грамматических категорий существительных (дистрибуция падежных форм) и глаголов (распределение форм времени и их значений). Количественная дистрибуция указанных единиц прослежена на материале говоров разных типов (окающего среднерусского говора с. Белогорное, акающего среднерусского говора с. Земляные Хутора Саратовской области, севернорусского мегорского говора Вологодской области), общий объем исследованных текстов в данной части функционального анализа – около 726 тыс. словоупотреблений.

Результаты и обсуждение

Функциональная оценка нелитературной лексики в составе диалектной речи

Из текстовой выборки записей диалектной речи в с. Белогорное были отобраны все контексты с нелитературными лексическими единицами и контексты с их литературными соответствиями. Фокусирование внимания на всех единицах, так или иначе выходящих за пределы литературной нормы (будь то собственно диалектизмы или нелитературные элементы общерусского распространения), – важный, на наш взгляд, принцип функционального анализа особенностей говора (в частности, его

лексических особенностей), ср. аналогичный принцип отбора лексики для «Архангельского областного словаря»: «Дифференциальность постулировалась как достаточно широкая – предписывалось обязательное включение в словарь всех записанных в диалекте слов, имеющих хоть какие-нибудь отличия от нейтральной литературной лексики» [Гецова, 1999, с. 187–188].

На первом этапе функционального анализа лексических особенностей речи носителей среднерусского говора был определен удельный вес нелитературной лексики в речи диалектоносителей и ее состав. Установлено, что нелитературные лексические единицы покрывают не более 1–3 % текстового пространства в каждом из проанализированных идиолектов (выборка включает тексты, записанные от 3 пожилых жителей села).

Среди нелитературных лексем, употребленных в речи информантов, меньшую часть составляют слова, которые можно было определить как собственно диалектные – лексические или семантические диалектизмы: *сибирка* ('печь'), *сряжать* ('договариваться'), *наsupроть* ('напротив'), *позьмо* ('усадебный участок, участок земли, надел'), *справно* ('спокойно, чинно'), *яблочко* ('завязь помидора'), *гоже* ('хорошо'), *калякать* ('разговаривать'), слова с корнем *кулугур-*, обозначающим отношение к старообрядчеству.

Лексические и семантические диалектизмы – нечастотные элементы диалектной речи. Однако несмотря на это они занимают важное место в лексической системе говора. Их значимость определяется уникальностью соответствующих номинативных знаков, их территориальной локализацией.

Основное место среди нелитературных лексических единиц, употребляемых в текстах выборки, занимают, во-первых, просторечные слова – территориально не локализованные единицы устной речи: *чего*, *чѐ* 'что', *больно* 'очень', *моментом* 'сразу', предлог *с* в значении 'из', такие лексемы, как *помереть*, *брякнуться* и под., и во-вторых, слова с лексикализованной фонетической или словообразовательной особенностью (фонетические и словообразовательные диалектизмы): *кажрый*, *одѣжа*, *накласть*, *ихний* / *ихий*, *Паска*, *Рожество*, *Масленца*, *нонче*,

топерь / топерьчи / теперьча, эстоль / столь ('столько'), *кстить / ксить, кщение, скрозь, туды, куды, нады, особе, глыбко, сваривать* ('сворачивать'), *запырять* ('забодать'), *маненьки / маленьки / маненько, головашка, грибик, цементовый, бревнистый, ростить, сродственники, костки, мяски, овчарка* ('работница, занимающаяся уходом за овцами'), *всходить* ('приходить в себя, в сознание'), *заположенеть* ('забеременеть'), *смотыжить* ('обработать мотыгой'), *пешеходом* ('пешком'), *вынашиваться* ('прекращать нестись'), *насадить* ('завести (о цыплятах)'), *хворосточек* ('хворостинка, палочка'), действительно ('на действительную службу') и под.

Второй этап функционального анализа лексического своеобразия говора направлен на уяснение места *нелитературных лексических элементов в говоре как коммуникативной системе*. На этом этапе мы стремимся получить ответ на вопрос об окказиональном или узуальном для говора статусе лексической единицы. Для решения данного вопроса необходим учет целого ряда функциональных параметров: соотношение частотности нелитературных лексем с частотой соответствующих им литературных форм; частот внутридиалектных вариантов; анализ идиолектной закреплённости / незакреплённости лексем; анализ текстовых условий употребления лексем (текстовой позиции); анализ дискурсивных факторов, влияющих на функционирование вариантов.

Мы сосредоточим далее наше внимание на функционировании просторечных элементов и фоно-морфемных модификаций общерусской лексики, которые, как было отмечено, являются основными типами нелитературных единиц в нашей выборке. В нашем материале большинство таких единиц – это слова единичного употребления, что не позволяет делать выводы об их узуальности для говора. Особенно это относится к словообразовательным вариациям общерусских слов: *накласть, ихний, Масленская, цементовый, костки, мяски, овчарка, смотыжить, пешеходом, вынашиваться*. Их образование может быть следствием более свободного, чем в литературной речи, словообразовательного моделирования, «образования индивидуальных слов по неиндивидуальным регулярным словообразова-

тельным моделям»; И.А. Оссовецкий отмечает, что «такую лексику в говоре, гораздо труднее отделить от общеупотребительной, чем это можно сделать на материале литературного языка (в ряде случаев это вообще невозможно)» (Словарь современного..., 1969, с. 17).

Часть единиц, выходящих за пределы литературного стандарта, встречается в текстах выборки неоднократно. Так, в исследованных текстах отмечена неоднократная встречаемость таких нелитературных единиц, как *грибик, всходить, кстить / ксить, кщение, туды, куды, топерь / топеря / топерьчи, маненьки / маленьки / маненько, нады, больно, нонче, кажный, ихний / ихий, чего* (в знач. 'что'). Однако их место в диалектной коммуникации различно. Здесь выстраивается целая шкала единиц по их регулярности в речи носителей говора. К числу регулярных, имеющих наибольшую коммуникативную устойчивость в говоре, относятся местоимение *чего* в знач. 'что' и наречия *куды, туды*. Названные лексемы неоднократно повторяются в исследованных текстах; встречаются на значительном «текстовом расстоянии»; воспроизводятся разными информантами; употребительность этих единиц значительно выше использования их литературных соответствий. Например, местоимение *что*, функционально соответствующее форме *чего*, встретилось в выборке лишь 1 раз во фразеологизированном выражении *да ты что!* Наречие *куды* абсолютно преобладает над литературным *куда*; *туды* употребляется в 2,5 раза чаще, чем *туда*. Таким образом, на основании приведенных данных, местоимение *чего* в знач. 'что', наречия *куды, туды* квалифицируются как устойчивые, регулярные элементы лексического состава говора.

Как *относительно регулярные* (имеющие меньшую степень регулярности) можно охарактеризовать наречия *маненьки / маленьки / маненько*. В проанализированных текстах литературные соответствия для этих лексем отсутствуют, однако наблюдается внутридиалектная вариантность. Ср.: *маненьки* *уродится для меня; покупала эдакого лекарства/ спрыскивала// а то нет/ всё съедает/ всё съедает// но... маненьки* *успела; тут вот маненько* *через колонку пройдёшь...* Активное варьирование диалектных лексем подчеркивает неустойчивость каждого из вариантов.

На границе зон регулярности – нерегулярности среди нелитературных лексем находятся наречия времени с корневым «о» *топерь / топеря / топерчи* и местоименные прилагательные *ихний / ихий*. Каждый из диалектных вариантов наречия с корневым «о» представлен в анализируемых текстах единичными (одним – двумя) употреблениями. При этом по совокупной частотности диалектные варианты вдвое превышают встречаемость литературного варианта *теперь*. Диалектно-литературная и внутридиалектная вариативность наречия времени (вариативный ряд включает также переходный просторечный вариант *теперьча* – так определена данная форма в: (Словарь диалектного..., 2003)) подчеркивает неустойчивость лексического выражения данной семантики. Местоименные варианты *ихний / ихий* и литературное *их*, находясь в отношениях свободного варьирования, характеризуются одинаковой частотностью, ср.: *всё это начали строить тут на ихим-то позьме-те; вот это место было / ихний-то дом был; Лякин родник// – Лякин? – да// ну там Лякины/ фамилия/ живут/ а он знает их*. На основании всех перечисленных функциональных свойств наречия с корневым «о» и нестандартные местоименные образования определяются как пограничные на шкале регулярности – нерегулярности.

Все остальные повторяющиеся в диалектных текстах нелитературные лексем не могут быть квалифицированы как регулярные. Так, неоднократно употребленные лексем *грибик, всходить, кстить / ксить, кщение, Масленца, нонче, кажный* отмечены идиолектной привязкой и, кроме того, встречается на небольшом расстоянии друг от друга (повтор по инерции), ср.: *...Масленца/ и за Масленцей Великий пост...; ...на быках возили солому зимой-то всю/ кажный день/ кажный день; ...кстят/ мирских-то// вот у нас одна/ эта/ кстилась/ в роднике/ в холодном там вон/ на Конце// я мол не положено/ потому что кщение/ кщение/ одно/ единое кщение/ а у них... – А Вы же крестились? По-кулугурски или как? – вот им/ фику! кситься я дам// я и ребёнка не дала своего/ ксить*.

Нерегулярность приведенных диалектизмов подчеркивается также такими их функциональными свойствами, как наличие литературных вариантов в непосредственной

близости от диалектного варианта (ср. в приведенном выше контексте варианты *кщение / крещение*); значительным разрывом в частоте диалектизма и его литературного соответствия в пользу последнего (ср.: *нонче* – 2 употребления в текстовой выборке, *сейчас* – 18).

Как функционально ограниченные характеризуются и лексем, повторяющиеся в речи разных информантов. Признаком нерегулярности лексической единицы в этом случае является дискурсивная закреплённость лексем. В нашем материале такой функциональной спецификой отмечены лексем *больно* (в знач. ‘очень’) и *нады*. Они зафиксированы в речи разных информантов. Однако их использование характерно для рассказов о значимых, тяжелых событиях прошлого; в других контекстах в речи тех же информантов преобладают литературные соответствия *очень* и *надо*. Ср.: (из рассказа об уходе мужа на фронт) *...ну в декабре месяце сорок второго года его взяли/ я осталась в положении ит него// ну и просила/ что мол/ больно уж время-т тяжёлое было/ война/ и... никак/ мы с мамой-т плохо/ у нас никакого запаса нету/ ничё мы/ только на картошке/ на тык... на тыквы/ на свёкле только жили/ на этим вот/ хлебного ничего не было// а он меня просит... <...> и говорю <...> «куда я? третьего я буду рожать// куда я? с мамой-то две/ а время вон какое плохое/ как я буду воспитывать-то?»// а уж он больно просил меня/ ой// не нады// ничего не делай»// я опять плачу/ «а чего я буду делать-то?»// <...> а он больно уж просил/ «не нады»// <...> «не нады/ Ксеиш/ а може сын будет// всё меня вспомнянешь».*

Функциональная ограниченность диалектного варианта модального слова *нады* подчеркивается также его постпозицией в контексте, содержащем в препозиции литературную форму *надо*: *...не знаю/ ей чего надо/ я ей помешала// ну специально ей нады*. Появление диалектного варианта в постпозиции по отношению к литературно нормативной форме может быть объяснено коммуникативной деактуализацией уже воспроизведенного в речевом акте языкового элемента (см.: [Гольдин, Сдобнова, 1992]).

Таким образом, среди нелитературных лексем в говоре наибольшей устойчивостью обладают местоименные и наречные единицы с лексикализованной фонетической особенностью.

Функциональная оценка нелитературной морфологии в составе диалектной речи

В текстовой выборке из подкорпуса с. Белогорное словоформы, не совпадающие с литературной нормой, составляют 1–2 % от общего числа словоупотреблений. При этом типы морфологических диалектизмов разнообразны: а) словоформы с грамматическими показателями, принадлежащими в литературном языке другому словоизменительному классу той же части речи (*молятся, братьёв, оне, яблочков, церква, своем, какем*); б) словоформы с грамматическими показателями, использующимися в литературном языке в парадигме той же части речи в иной грамматической функции (*в этом классе, в этом омёте, чём начинать и чём кончать*); в) словоформы с грамматическими показателями, отсутствующими в литературном языке в парадигме той же части речи (*виновати, палкими, женилси*); г) диалектные частицы *ти, ту, те, та, т*; д) стяженные формы (*сухоньки, всяки, старша*); е) словоформы, отличающиеся от литературных соответствий характером морфонологических чередований в основе (*текёт, помогут*).

Большинство из названных типов морфологических различий встречаются в речи всех информантов исследованной выборки, что, по всей видимости, свидетельствует об определенной устойчивости данных типов морфологических явлений в изучаемом говоре. Однако функциональный вес отмеченных особенностей неодинаков.

В речи всех информантов многократно употребляются диалектные частицы, что позволяет причислить эту грамматическую черту к характерологическим особенностям говора. Однако при кажущейся яркости этой диалектной черты наличие диалектных частиц нельзя признать регулярным. Сопоставление однотипных в фоно-морфологическом отношении контекстов с диалектными частицами и общелитературной частицей *то* показывает, что наибольшей (хотя и не абсолютной) регулярностью обладает диалектная частица *ти*, согласуемая с формами мн. числа существительных и прилагательных: *а она вот с внучатами-ти; дожди-ти были; вот тут... какие родники-ти* (но: *а так оне... родники-то кто знает*). Все другие позиции

употребления диалектных частиц, согласуемых с полнозначными словами по фоно-морфологическому принципу, вряд ли могут оцениваться как регулярные, так как частотной в этих позициях оказывается также и общелитературная частица *то*. Ср.: *старуху-ту оттуда-то вытащила она; а она в траву-ту растёт; вот как об эту пору-ту*. Но: *а мякину-то вот эти грибы-то и ели; три раза через башку-то кувыркалась; одёжу-то спрятали*.

Яркой морфологической особенностью говора является также местоименная форма *оне*. Однако ее частотность заметно разнится по идиолектам, и во всех случаях данная форма находится в отношении свободного варьирования с формой *они*. Ср.: *...а уж вот как они взрослые-ти/ хто восемь классов кончил/ хто десять классов кончил/ оне уж пошли... то в техникум/ то в ниститут/ то там куды чёго уж они// взрослые стали/ они уж все сейчас на работе; оне закрыли... героически они погибли/ закрыли своей... оне вот радиатор что ль... или редуктор/ не знай чёго*.

Подобный характер функционирования свойствен диалектным возвратно-заложенным глагольным формам на *-си* (типа *родилси, женилси*). Частота их употребления сочетается с активным параллельным использованием форм с постфиксом *-ся* и различается по идиолектам. Ср.: *мы не радовамси; мы в любой праздник не радовамся/ мы читаем с умилением; об них за упокой мы не молимси; такую-ту службу её всю ночь и... молимся; в субботу можно если собираемси; первый день всё-таки мы собираемся/ много нас*.

К числу менее частотных, но регулярных для говора нелитературных словоформ можно отнести глагольные словоформы с отсутствием характерного для литературной нормы чередования в основах: *текёт, могёт, прибегла, секётся, отвлекёшьси, ездю*. В проанализированных текстах не встретились формы глаголов с чередованиями.

Не абсолютно регулярной, но, вероятно, предпочтительной формой является в речи диалектоносителей местоименная форма Род. п. у *ней*. Она встречается чаще, чем литературная форма у *неё*: *она/ хворала/ у ней лёгкие больные были; вон родится у ней/ или чёго; у ней.../ как сказать.../ обряд подходящий*.

Нечастотными и нерегулярными (эпизодическими) являются формы глаголов II спряжения с окончаниями I спряжения (*молятся, ездют, учут, видют, привозют*); формы существительных женского рода с окончанием *-ов* в Род. п. мн. ч. (*девочков, курочков, моленнов, республиков*).

Другие не совпадающие с литературными формы можно, по всей видимости, отнести к числу лексикализованных морфологических особенностей. Таковы: форма Предл. п. с окончанием *-им* у местоимения *этот* (*училась я в **этим**... в третьем классе; на тыквы/ на свёкле только жили/ на **этим** вот; Сталин был/ при **этим** вот*); формы Твор. п. и Предл. п. с окончанием *-ем* у местоимения *какой* (*с мясом/ с салом **какем**; не помню в **какем** году*); формы мн. числа существительных мужского рода – наименований родственников *брат, сват, дядя* с ударными окончаниями *-ья, -ьёв* (*ну пришли **сватья**; и повели этих **сватьёв** туды/ к нам; два сироты/ были/ от **братьёв**; **дядья** не стали брать его*).

К идиолектной закреплённости близки, по-видимому, стяженные формы прилагательных, составляющие яркую речевую особенность одного информанта: *перва-то/ вот она с сорок восьмого года; **взрослы** стали; тут едет **знакома** женщина на велосипеде; ну я **малограмотна**; приезжали на мамыны години/ **старша** дочь/ с зятем*. Вместе с тем в речи того же информанта стяженные формы находятся в отношениях свободного варьирования с полными адъективными формами.

Таким образом, среди несовпадающих с литературной нормой морфологических форм наибольшей устойчивостью и регулярностью обладают диалектная частица *ти*, местоименные формы *оне, у ней*, возвратно-залоговые глагольные формы на *-си*, глагольные словоформы с отсутствием характерного для литературной нормы чередования в основах.

Функциональная оценка особенностей семантико-тематического состава диалектной речи

На материале текстовых массивов 3 говоров (2 среднерусских и 1 севернорусский) было произведено частотное ранжирование имен существительных. Выявлено, что наи-

более частотные в диалектных текстах имена существительные включены в следующие тематические классы: общие обозначения человека (*девчонка, человек, народ, молодежь*); термины родства (*мать, мама, дедушка, отец, сын, бабушка, муж*); обозначения животных (*лошадь, корова*); наименования построек (*дом*); лексемы религиозной тематики (*бог, церковь, господь, святой, крест*); лексемы, связанные с сельским хозяйством (*колхоз, земля*); наименования частей тела (*нога, рука*); наименования природных объектов (*речка, лес, вода*); наименования поселений и их частей (*город, деревня, двор, улица*); наименования пищевых продуктов (*хлеб, картошка*); существительные, обозначающие временные интервалы (*время, день, зима*); наименования учреждений (*больница, магазин*).

В состав наиболее частотных существительных входят также лексемы *война* (объясняется тем, что история семьи многих диалектоносителей связана с войной), *правда* (связано с актуальностью данного понятия для русской речевой культуры в целом, и в особенности для народной речевой культуры), *жизнь*.

Среди наиболее частотных глаголов выделяются глаголы движения (*ходить, приезжать, пойти, прийти, уходить, поехать, приходить, ездить, выходить, уезжать*), речевой деятельности (*говорить, рассказывать*), глаголы чувственного восприятия и ментальной деятельности (*знать, думать, видеть, хотеть, глядеть, понимать*), глаголы состояния (*умирать, оставаться, сидеть, становиться, стоять*), глаголы интеллектуальной деятельности (*читать, писать*), глаголы, связанные с рыночными отношениями (*купить, продавать*), глаголы, связанные с болезнью (*болеть, выхаживать*).

В состав наиболее частотной лексики входят некоторые наречные формы (*сейчас, потом, здесь, туда, много*), числительные (*один, два, три*), прилагательные (*хороший, большой, маленький, больной*).

Наибольшая часть высокочастотной лексики диалекта тематически непосредственно связана с человеком, его потребностями и повседневными проблемами, что подтверждает гипотезу об антропоцентричности диалектной картины мира.

Анализ высокочастотной лексики позволяет выявить представления о мире, которые репрезентированы в речи носителей диалекта. Человек представляется в его физической сущности (наименования частей тела, обозначения болезней и других состояний, обозначения пищи и процесса принятия пищи). Человек «социальный» представлен, прежде всего, в отношениях родства. Значимым оказывается также его отношение к трудовой деятельности (высокая частотность существительного *работа* и глаголов, связанных с ведением сельского хозяйства). Среди нравственных ориентиров выделяются религиозные и высшая ценность – *правда*. Преобладающие действия для диалектоносителей – движение и речь. Основой восприятия мира выступает чувственная рецепция. Наиболее важными параметрами оценки выступают размерные (*большой* – *маленький*) и субъективные (*хороший* – *плохой*) характеристики. Главная субстанция бытия для носителей диалекта – время, при этом время неконкретизированное (ср. частотность существительных, обозначающих значительные временные интервалы – *день*, *зима*, а также наречий *сейчас*, *потом*).

Функциональная оценка частеречной организации диалектной речи

Своеобразие диалектной речи проявляется в особой количественной дистрибуции грамматических классов слов – частей речи.

Преобладание глагольной лексики – характерная черта диалектной речи, которая непосредственно связана с активизацией репродуктивного (изобразительного) регистра в диалектном повествовании (см.: [Гольдин, 2009]). Увеличение доли глаголов связано с особенностями описания ситуаций и событий в диалектном дискурсе. Стремление диалектоносителей к максимальной детализации описываемых событий становится причиной активного употребления конструкций с однородными сказуемыми, а также конкретизации деятельностного компонента события (*гуляли – пели, танцевали, плясали*): *а потом вечер/ это молодежь все гуляли// у меня дом-то не позволял/ а в соседях вечер делали/ ребяташки/ девчонки пели/ танцевали/ плясали*. Свойственное диалектной коммуникации

предельно конкретизированное, панорамное представление событий создается также расчленением единой предикации, употреблением двуглагольных предикатов в высказываниях типа ...они *ходят* кресты *не носят* (см.: [Гольдин, Крючкова, 2008]).

Возрастание доли глагольной лексики в диалектной речи связано также с тем, что диалектоносители довольно часто прибегают к многократному повторению одной и той же лексемы при описании ситуаций, стремясь подчеркнуть их континуальный характер: *она одна ну не идет и не идет// ни к той свекрови/ ни ко мне не идет; вот гляди// мы вот танцуем и пляшем/ время одиннадцать/ двенадцать часов/ мы всё танцуем/ пляшем*.

Как показывает проведенный анализ, особенностью диалектной речи является меньший функциональный вес имен существительных в сравнении с глаголами. Уменьшение доли существительных, очевидно, связано с тем, что для диалектной речи характерно употребление неполных предложений, а также наиболее широкое использование анафорических местоимений. Ср. рассказ диалектоносителя о сыне и невестке: *приедёт/ придёт/ а не придёт/ её пошлёт/ скажет «вот там/ неси вот скажет/ ступай к маме сходи»// вон её// она придёт/ придёт и с ребятами/ сидим вот тут/ сидим*.

По характеру дистрибуции частей речи диалектная речь близка устно-разговорной литературной речи, которой также свойственно, в сравнении с другими формами речи, доминирование глаголов и уменьшение числа существительных и прилагательных за счет экспансии замещающих их местоимений, что объясняется «ситуативной прикрепленностью» и спонтанностью устного разговорного общения (см.: [Сиротинина, 1974; 1993, с. 141; Столярова, 1992, с. 6–24]). Ср.: «участникам разговора существительные не нужны, так как предметы ясны из предыдущего разговора», «наличие предметов, возможность переспроса делают ненужным уточнение предмета по его признаку», «говорящий не имеет времени для подыскивания необходимого прилагательного» [Сиротинина, 1974, с. 79].

Общность устной разговорной (диалектной и литературно-разговорной) речи состоит также в повышенной употребительности лек-

стики незначительной. Однако лексический состав наиболее частотных незначительных слов и их доли в диалектной и разговорно-литературной речи отличаются своеобразием. Диалектная речь характеризуется высокой частотой частиц и союзов-частиц, основное место среди которых принадлежит частице *вот* (3,55 %), союзам-частицам *и* (3,36 %), *а* (2,99 %). Ср. доли этих незначительных элементов в устно-разговорной русской речи по данным «Частотного словаря живой устной речи»: *вот* – 1,56 %, *и* – 2,07 %, *а* – 2,05 % (Ляшевская, Шаров, 2009). Специфичным для диалектной речи является также частое использование частицы *то* (1,73 %) и частицы *это* (1,40 %). В устном подкорпусе НКРЯ эти частицы, по сведениям названного словаря, не попадают в число высокочастотных лексем, тогда как в частотном списке диалектной речи данные частицы имеют соответственно 7-й и 11-й ранги.

Функциональная оценка падежных форм имен существительных в диалектной речи

На материале проанализированных текстовых выборок получены данные о функционировании падежных форм имен существительных в диалектной речи.

Дифференцирующую роль при разграничении языковых идиомов, как установлено проведенными ранее исследованиями, играет количественное соотношение Им., Род. и Вин. п. Устные формы всех разновидностей речи характеризуются возрастанием употребительности Им. и Вин. п. и снижением доли Род. п. (ср.: [Мартыненко, 1992, с. 48]). Однако при совпадении общего ранжированного списка падежей имен существительных в устно-литературной и диалектной речи и экспансии Им. п. как общей черты устно-разговорной коммуникации падежная дистрибуция в диалектной речи имеет свои особенности. Диалектную речь отличает больший количественный отрыв Вин. п. от Род. п. в сторону увеличения доли Вин. п. Так, в среднерусских говорах доля Вин. п. на 9,4 % выше доли Род. п., в текстах мегорского подкорпуса эта разница составляет 5 %, тогда как статистика падежей в устно-разговорной литературной речи показывает превышение доли Вин. п. в сравнении с Род. п. только на 3,3 %. Меньший

разрыв между Вин. и Род. п. в разговорной литературной речи подтверждается также данными Н.Г. Мартыненко. В определенном круге устных разговорных текстов корреляция Род. и Вин. п. может сдвигаться в сторону, хоть и незначительного, но преобладания Род. п. Таким образом, ранжированные списки трех падежей, наиболее значимых для дифференциации типов речи, несколько различаются для устно-разговорной литературной речи и диалектной речи, имея соответственно следующий вид: Им. – Род. / Вин. и Им – Вин. – Род. Вторая модель падежной дистрибуции имен существительных свойственна формам речи, речевым произведениям, отличающимся наибольшей степенью разговорности. Диалектная речь, которая занимает на шкале возрастания разговорности наивысшую позицию, репрезентирует в данном случае эталонную матрицу «разговорного» распределения падежей.

Функциональная оценка глагольных времен и их значений в диалектной речи

Анализ выборок из текстовых диалектных корпусов показал особенности распределения форм глагольных времен и их значений в диалектной коммуникации.

Нежесткое (динамичное) количественное соотношение форм настоящего и прошедшего времен в устно-разговорной коммуникации служит, по наблюдениям исследователей разговорной литературной речи, ее отличительным признаком (ср.: «В организации разговорной речи прошедшее время участвует наравне с настоящим» [Санджи-Гаряева, 1992, с. 120]), тогда как другие типы речи характеризуются преобладанием одной из названных временных форм: основой художественного повествования является прошедшее время, в научном стиле преобладают формы настоящего времени (см.: [Санджи-Гаряева, 1992, с. 120; Сиротина, 1974, с. 88]).

Специфика диалектной речи как особой формы устно-разговорной коммуникации связана, прежде всего, не с количественным распределением глагольных времен, а с реализуемыми в диалектном дискурсе функциями временных форм.

Абсолютное большинство форм прошедшего времени употребляется в диалектной

речи в прямом значении для обозначения действий и событий прошлого, ср.: *ну/ конечно/ пригласил тут такого паренька/ который вроде того/ что ухаживал за ними// ... и не знаю// сколько они ему дали прибыли/ там это// ну много у него было/ этих/ маленьких поросят; закрыли у нас эту моленную// очень преследовали/ иконы отнимали/ книги отнимали/ всё мы прятали// вот.*

Употребления форм прошедшего времени в переносном значении (в значении будущего) в нашем материале единичны, ср.: *вот она мне говорит все это// да так я и поверила.*

Количественное распределение семантических функций форм настоящего времени в диалектных текстах во многом совпадает с распределением этих значений в устно-разговорной литературной речи. К общим чертам устно-разговорной коммуникации можно отнести редкое употребление настоящего «момента речи» (высказывания типа *а вон и дедушка идёт// вот я в окно вижу* составляют в нашей выборке всего лишь 3 % от всех употреблений форм настоящего времени), активное употребление «настоящего расширенного» – около 25 % употреблений (*она проточная вода-то/ она никогда не заразится// она откуда-то/ мы и сами не знаем откуда она идёт// она идёт и идёт// вот скока лет*), актуализацию семантики повторяющегося или обычного действия в «настоящем постоянном» (*саму хорошу песню вот/ её обычно под конец/ это/ поют; да у меня есть/ у меня учёт/ я всегда веду это сколько я окорочков купил/ сколько я яиц/ сколько молока// и так у меня каждый месяц*).

К специфике диалектного повествования следует, по-видимому, отнести некоторое увеличение доли «настоящего постоянного» в абстрактном значении, часто используемом в рассказах о традиционных обрядах (*это вот когда жених идёт/ невесту тут/ значит/ не пускают; жених у ворот/ жених у ворот дожидается/ дожидается*), а также еще большую, чем в устно-разговорной литературной речи, употребительность форм настоящего времени в значении «настоящего исторического». Ср.: в нашей выборке словоформы в значении «настоящего исторического» составляют около 40 %, тогда как в устно-разговорной литературной речи, по данным З.С. Санджи-Гаряевой, насчитывается лишь

15 % таких употреблений [Санджи-Гаряева, 1992, с. 118]. Настоящее историческое время регулярно используется в диалектном повествовании как средство образной актуализации событий прошлого, наиболее яркого и точного их представления в речи: *смотрю... а мины/ оне как/ вот она долетает до мёртвой точки/ и прям падает отвесно/ прямым углом; ну/ а я взяла и накупила на эти пять копеек тернослива/ ребятишкам в классе всем раздала// прихожу домой-то/ мама говорит// «Зин/ где тетрадки-то?»*.

Формы будущего времени глаголов встречаются в речи информантов-диалектоносителей реже всего. Примеров форм будущего времени в переносном значении в речи диалектоносителей не зафиксировано, тогда как в литературном языке подобные переносы встречаются (например, формы будущего в значении абстрактного настоящего). Формы будущего времени глаголов наиболее частотны в тех фрагментах, когда диалектоноситель поучает и наставляет молодых диалектологов, акцентируя внимание на последствиях действий в настоящем: *не курите/ большой позор и грех большой// ой// в роту все время сатана будет сидеть// не курите// не курите// бросьте// если кто курит/ бросьте// сатана будет в роту сидеть*.

Таким образом, особенности диалектной коммуникации как особой лингвокультурной разновидности устно-разговорного общения оказывают влияние на функционирование глагольной категории времени. Такие характерные черты народно-речевой культуры, как стремление к максимальной актуализации событий прошлого, частое обращение к традициям и обычаям, склонность к поучению объясняют особенности распределения временных форм глаголов и их значений в диалектной речи.

Заключение

Функциональный анализ лексических и морфологических особенностей говоров на материале корпуса диалектных текстов позволяет не ограничиваться инвентаризацией этих особенностей, выявлять такие характеристики внелитературных единиц, как частотность, регулярность, дискурсивная и идиолектная закрепленность их употребления, оценивать

их функциональный вес в диалектной коммуникации, их вклад в своеобразие диалектной речи говором разных типов.

Изучение количественных параметров диалектной речи позволяет также оценить степень общности языковых идиомов, образующих «ареал нерегулируемого речевого поведения» (см.: [Нещименко, 2003]), и характер внутренней дифференциации форм речи, используемых в сфере непринужденной неофициальной коммуникации.

Функциональный подход может быть применен при изучении особенностей раз-

ных языковых уровней в составе диалектных систем. Этот подход отвечает теоретическим приоритетам современной лингвистики – к моделированию языка, ориентированному на узус, речь (см., например: [Плунгян, 2008]). Современная диалектология располагает источниками (фонотеками записей связной диалектной речи, собраниями ее текстовых расшифровок, аннотированными текстовыми корпусами), позволяющими осуществить такие исследования и охарактеризовать специфичность диалектной речи с точки зрения особенностей использования в ней ресурсов общенародного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранникова Л. И., 1967. Русские народные говоры в советский период : (К проблеме соотношения языка и диалекта). Саратов : СГУ. 206 с.
- Баранникова Л. И., 1971. О вариантных единицах диалектных систем // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Москва : Наука. С. 31–38.
- Буранова А. И., 2015. Количественные признаки языковых идиомов: диалектная речь на фоне литературно-разговорной (на материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов. 211 с.
- Гецова О. Г., 1999. Место общерусской лексики в лексических системах современных говором (в свете новых диалектных данных) // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т. С. 186–188.
- Гольдин В. Е., 2009. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 9, вып. 1. С. 3–7.
- Гольдин В. Е., 2020. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии // Речевое сознание. Речевая коммуникация: избранные работы. Саратов : Изд-во СГУ. С. 291–330.
- Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю., 2008. Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии. Москва : Наука. Кн. 3 (9). С. 398–413.
- Гольдин В. Е., Сдобнова А. П., 1992. Диалектное варьирование в коммуникативно сильных и коммуникативно слабых позициях // Соотношение системности языка и его функционирования. Нижний Новгород : [б. и.]. С. 102–111.
- Крючкова О. Ю., 2022. Диалектная речь в цифровом представлении: научный и культурный потенциал // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации. Ч.1. Гродно : ГрГУ. С. 206–212.
- Крючкова О. Ю., 2024. Некодифицированные лексические элементы в речи диалектоносителей // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 3 (41). С. 213–220. DOI: 10.31912/pvrl-2024.3.16
- Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е., 2008. Текстовый диалектологический корпус как модель традиционной сельской коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14). С. 268–273.
- Лопушанская С. П., 2005. Взаимодействие русского литературного языка и нижеволжских говором по данным матричной реконструкции // Взаимодействие русского литературного языка и территориальных диалектов. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 11–22.
- Мартыненко Н. Г., 1992. Категория падежа // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Саратов : Изд-во СГУ. С. 47–64.
- Нещименко Г. П., 2003. Языковая ситуация в славянских странах. Москва : Наука. 279 с.
- Панов М. В., 1966. Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. Москва : Наука. С. 55–122.

- Плунгян В. А., 2008. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. № 2 (16). С. 7–20.
- Санджи-Гаряева З. С., 1992. Категория времени // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Саратов : Изд-во СГУ. С. 110–124.
- Сиротинина О. Б., 1974. Современная разговорная речь и ее особенности. Москва : Просвещение. 142 с.
- Сиротинина О. Б., 1993. Разговорная речь // Функциональные стили и формы речи. Саратов : Изд-во СГУ. С. 137–148.
- Столярова Э. А., 1992. Части речи // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Саратов : Изд-во СГУ. С. 4–46.

СЛОВАРИ

- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Москва : Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
- Словарь диалектного просторечия Среднего Приобья / авт.-сост. Т. Б. Банкова, О. И. Блинова, С. В. Сыпченко. Томск : Том. гос. ун-т, 2003. 370 с.
- Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссоветского. Москва : Наука, 1969. 616 с.

REFERENCES

- Barannikova L.I., 1967. *Russkije narodnyje govory v sovetskij period: (K probleme sootnoshenija jazyka i dialekta)* [Russian Folk Dialects in the Soviet Period: (On the Problem of the Relationship Between Language and Dialect)]. Saratov, SGU Publ. 206 p.
- Barannikova L.I., 1971. O variantnykh jedinitsakh dialektnykh system [On Variant Units of Dialect Systems]. *Problemy istorii i dialektologii slavjanskikh jazykov* [Problems of the History and Dialectology of Slavic Languages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 31-38.
- Buranova A.I., 2015. *Kolichestvennyje priznaki jazykovykh idiomov: dialektnaja rech na fone literaturno-razgovornoj (na materiale russkogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk* [Quantitative Features of Linguistic Idioms: Dialectal Speech Against the Background of Literary and Colloquial Speech (Based on the Russian Language). Cand. philol. sci. diss.]. Saratov. 211 p.
- Getsova O.G., 1999. Mesto obshcherusskoj leksiki v leksicheskikh sistemakh sovremennykh govorov (v svete novykh dialektnykh dannyx) [The Place of Russian Vocabulary in the Lexical Systems of Modern Dialects (In the Light of New Dialect Data)]. *Russkij jazyk i rusistika v sovremennom kulturnom prostranstve* [Russian Language and Russian Studies in the Modern Cultural Space]. Yekaterinburg, Ural. gos. un-t, pp. 186-188.
- Goldin V.Je., 2009. Povestvovaniye v dialektnom diskurse [Narration in Dialect Discourse]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism], vol. 9, iss. 1, pp. 3-7.
- Goldin V.Je., 2020. Teoreticheskiye problemy kommunikativnoj dialektologii [Theoretical Problems of Communicative Dialectology]. *Rechevoje soznaniye. Rehevaja kommunikatsiya: izbrannyye raboty* [Speech Consciousness. Speech Communication: Selected Works]. Saratov, Izd-vo SGU, pp. 291-330.
- Goldin V.Je., Krjuchkova O.Ju., 2008. Tekst i znaniye v dialektnoj kommunikatsii [Text and Knowledge in Dialect Communication]. *Materialy i issledovaniya po russkoj dialektologii* [Materials and Research on Russian Dialectology]. Moscow, Nauka Publ., book 3 (9), pp. 398-413.
- Goldin V.Je., Sdobnova A.P., 1992. Dialektnoye varjированиye v kommunikativno silnykh i kommunikativno slabykh pozitsiyakh [Dialectal Variation in Communicatively Strong and Communicatively Weak Positions]. *Sootnosheniye sistemnosti jazyka i jego funktsionirovaniya* [The Relationship Between the Consistency of Language and Its Functioning]. Nizhniy Novgorod, s.n., pp. 102-111.
- Kryuchkova O.Yu., 2022. Dialektnaja rech v tsifrovom predstavlenii: nauchnyj i kulturnyj potentsial [Dialect Speech in Digital Representation: Scientific and Cultural Potential]. *Slavyanskij mir i natsionalnaja rehevaja*

- kultura v sovremennoj komunikatsii. Ch. 1* [The Slavic World and National Speech Culture in Modern Communication. Pt.1]. Grodno, GrGU, pp. 206-212.
- Kryuchkova O.Yu., 2024. Nekodifitsirovannyje leksicheskiye element v rechi dialektonositelej [Uncodified Lexical Elements in the Speech of Dialect Speakers]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], no. 3 (41), pp. 213-220. DOI: 10.31912/pvrl-2024.3.16
- Kryuchkova O. Yu., Goldin V.Je., 2008. Tekstovyyj dialektologicheskij korpus kak model traditsionnoj selskoj kommunikatsii [Text Dialectological Corpus as a Model of Traditional Rural Communication]. *Kompyuternaja lingvistika i intellektualnyje tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies], iss. 7 (14), pp. 268-273.
- Lopushanskaja S.P., 2005. Vzaimodejstviye russkogo literaturnogo jazyka i nizhnevolzhskikh govorov po dannym matrichnoj rekonstruktsii [Interaction of the Russian Literary Language and Lower Volga Dialects According to Matrix Reconstruction Data]. *Vzaimodeystviye russkogo literaturnogo jazyka i territorialnykh dialektov* [Interaction of the Russian Literary Language and Territorial Dialects]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 11-22.
- Martynenko N.G., 1992. Kategorija padezha [The Category of Case]. *Razgovornaja rech v sisteme funktsionalnykh stilej sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. Grammatika* [Colloquial Speech in the System of Functional Styles of the Modern Russian Literary Language. Grammar]. Saratov, Izd-vo SGU, pp. 47-64.
- Neshchimenko G.P., 2003. *Jazykovaja situatsija v slavyanskikh stranakh* [Language Situation in Slavic Countries]. Moscow, Nauka Publ. 279 p.
- Panov M.V., 1966. Russkij jazyk [Russian Language]. *Jazyki narodov SSSR. T. 1. Indojevropejskije jazyki* [Languages of the Peoples of the USSR. Vol. 1. Indo-European Languages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 55-122.
- Plungjan V.A., 2008. Korpus kak instrument i kak ideologija: o nekotorykh urokakh sovremennoj korpusnoj lingvistiki [Corpus as a Tool and as an Ideology: Some Lessons of Modern Corpus Linguistics]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 2 (16), pp. 7-20.
- Sandzhi-Garjaeva Z.S., 1992. Kategorija vremeni [The Category of Time]. *Razgovornaja rech v sisteme funktsionalnykh stilej sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. Grammatika* [Colloquial Speech in the System of Functional Styles of the Modern Russian Literary Language. Grammar]. Saratov, Izd-vo SGU, pp. 110-124.
- Sirotnina O.B., 1974. *Sovremennaja razgovornaja rech i jeje osobennosti* [Modern Colloquial Speech and Its Features]. Moscow, Prosveshchenije Publ. 142 p.
- Sirotnina O.B., 1993. Razgovornaja rech [Colloquial Speech]. *Funktsionalnyje stili i formy rechi* [Functional Styles and Forms of Speech]. Saratov, Izd-vo SGU, pp. 137-148.
- Stoljarova Je.A., 1992. Chasti rechi [Parts of Speech]. *Razgovornaja rech v sisteme funktsionalnykh stilej sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. Grammatika* [Colloquial Speech in the System of Functional Styles of the Modern Russian Literary Language. Grammar]. Saratov, Izd-vo SGU, pp. 4-46.

DICTIONARIES

- Lyashevskaja O.N., Sharov S.A. *Chastotnyj slovar sovremennogo russkogo jazyka (na materialakh Natsionalnogo korpusa russkogo jazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (Based on the Materials of the National Corpus of the Russian Language)]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
- Bankova T.B., Blinova O.I., Sypchenko S.V., eds. *Slovar dialektного prostorechija Srednego Priobja* [Dictionary of the Dialectal Vernacular of the Middle Ob Region]. Tomsk, Tom. gos. un-t, 2003. 370 p.
- Ossovet'skij I.A., ed. *Slovar sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Rjazanskogo rajona Rjazanskoj oblasti)* [Dictionary of Modern Russian Folk Dialect (Deulino, Ryazan District, Ryazan Region)]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 616 p.

Information About the Authors

Olga Yu. Kryuchkova, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Anna I. Buranova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, aburanova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2246-6138>

Информация об авторах

Ольга Юрьевна Крючкова, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Анна Игоревна Буранова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, aburanova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2246-6138>